

Шагдарова Аюна Баировна

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВ НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ

Статья раскрывает содержание понятия "многозначность слов". Многозначность слова, по мнению автора, детерминирована необходимостью наличными средствами языка обозначать новые явления, возникающие в окружающей человека действительности. Смысловая структура слова представляет иерархию значений, некую систему соподчинения. В разных языках словосочетания слов со словами с прямым значением в большинстве случаев дословно совпадают, а с переносным – не совпадают. Основное внимание автор акцентирует на анализе лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в бурятском и русском языках.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/57.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 9 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 213-216. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/9-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Список литературы

1. Андреева О. Н. Онтологические и семантические составляющие культурно-языковой картины мира восточных славян (на примере обрядовых комплексов с сакрально-семантическим компонентом «вода») // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 6. Ч. 1. С. 23-26.
2. Апресян Ю. Д. Современные методы изучения значений и некоторые проблемы структурной лингвистики. М., 1963. 200 с.
3. Гаврилова Т. И. Терминология похоронно-поминального обряда в этнолингвистическом освещении (на материале Курского региона): автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Белгород, 1997. 17 с.
4. Ермолов А. С. Народная сельскохозяйственная мудрость в пословицах, поговорках и приметах. М., 1995. 432 с.
5. Капица Ф. С. Славянские традиционные верования, праздники и ритуалы. М.: Флинта; Наука, 2000. 216 с.
6. Кретов А. А., Борискина О. О. Теория языковой категоризации: национальное языковое сознание сквозь призму криптокласса. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2003. 211 с.
7. Терещенко А. В. Быт русского народа. М.: Русская книга, 1997. 288 с.
8. Тихонов А. Н. Пословицы, поговорки и другие изречения русского народа. М.: Сюита, 1996. 544 с.
9. Харченко В. К. Народные приметы в русской национальной культуре // Русский язык и литература в киргизской школе. 1991. № 1. С. 52-55.
10. Харченко В. К. Экологическая функция народных примет // Экология в теории и практике: материалы межвуз. научно-практ. конф. Белгород, 1993. Ч. II.

LINGUO-COGNITIVE SCIENCE OF FOLK SIGNS

Chuprynina Elena Viktorovna

*Lyceum № 9 named after Honored Teacher of School of the Russian Federation A. N. Neverov, Dzerzhinskii district, Volgograd
Lchevka86@mail.ru*

The article considers the linguo-cognitological features of folk signs. The paper pays attention to the fact that understanding is always associated with certain mystery, which is a required element of ritual action. A man-worker theoretically occupies the top place in the list of folk signs actors. It is the man-worker who paradoxically escapes from observation, falls out of the content of signs, conceals behind the saints, plants, animals, and weather phenomena.

Key words and phrases: folk sign; paroemia; micro-genre; personosphere; conceptual sphere; lexical means; language forms.

УДК 811.512.31

Филологические науки

Статья раскрывает содержание понятия «многозначность слов». Многозначность слова, по мнению автора, детерминирована необходимостью наличными средствами языка обозначать новые явления, возникающие в окружающей человека действительности. Смысловая структура слова представляет иерархию значений, некую систему соподчинения. В разных языках словосочетания слов со словами с прямым значением в большинстве случаев дословно совпадают, а с переносным – не совпадают. Основное внимание автор акцентирует на анализе лексико-семантических вариантов (ЛСВ) в бурятском и русском языках.

Ключевые слова и фразы: полисемия; бурятский язык; лексико-семантический вариант; внутренняя форма слова; первичное и вторичное значения.

Шагдарова Аюна Баировна

*Бурятский государственный университет
aina_@mail.ru*

МНОГОЗНАЧНОСТЬ СЛОВ НА ПРИМЕРЕ БУРЯТСКОГО И РУССКОГО ЯЗЫКОВ[©]

Словам любого естественного языка присуща многозначность (полисемия). Нет такого языка, в котором каждому словесному знаку соответствовало бы только одно значение.

Многозначность – это наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате развития первоначального значения этого слова. Это средство разрешения противоречий между ограниченными ресурсами языка и беспредельной конкретностью бытия.

Многие слова в русском, бурятском, английском, китайском и других языках имеют два-три значения, некоторые – значительно больше. Например, для глагола *идти* в «Толковом словаре русского языка» [8], изданном под редакцией академика РАН Н. Ю. Шведовой, зафиксировано 27 значений, в БРС-08 в соответствующем слове *ябаха* *ходить, ездить; идти, ехать* – 5 значений [1, с. 696], в толковом словаре английского языка «Macmillan English Dictionary» *go* *идти, ехать, двигаться* – 22 значения [10], в «Большом китайско-русском словаре» слово *去* *уйти, идти, ходить* – 11 значений [11, с. 738].

По способу номинации значения слова подразделяются на прямые и переносные. Прямые значения традиционно считаются первичными, основными, главными, а остальные значения – вторичными, частными,

зависящими от главных. О неравноправном положении этих двух типов значений так писал известный польский лингвист Е. Курилович: «По нашему мнению, самое важное – главное значение то, которое не определяется контекстом, в то время как остальные (частные) значения прибавляют еще и элементы контекста» [2, с. 246].

Комментируя это высказывание, известный русист-лексиколог Д. Н. Шмелев указывает: «В таком определении в общих чертах намечены пути для разрешения вопроса о «синхронической иерархии» значений. В главном значении слова, конечно, следует видеть не какое-то общее значение, но такое значение, которое наиболее обусловлено парадигматически и наименее обусловлено синтагматически» [9, с. 113]. Например, слово *ябаха* – «идти» входит в группу слов, объединенных интегральным значением «перемещение в пространстве»: *ябаха* – идти, *гүйхэ* – бежать, *тамарха* – плавать, *ниидэхэ* – летать, *мүлхихэ* – ползть. Эти слова связаны между собой парадигматическими отношениями, т.е. представляют собой ряд противопоставленных друг другу языковых единиц, каждый член которого определяется отношениями к другим членам ряда. Члены этой группы противопоставлены друг другу по таким семантическим признакам, как «скорость», «способ», «среда передвижения». Когда же они посредством контекста обретают переносные значения, т.е. становятся «более обусловленными синтагматически», как замечает Д. Н. Шмелев, «они уже не вступают в столь же отчетливые ряды смысловых противопоставлений с теми словами, в качестве экспрессивных синонимов которых они тогда выступают» [Там же, с. 114]. Во фразе «Мимо нас один за другим ползли, переваливаясь, танки» слово *ползть* теряет свою парадигматическую противопоставленность и приобретает вторичное значение: «2. Разг. Очень медленно, с трудом идти, ехать, плыть» [5, с. 258].

Самое первое или главное значение слова непосредственно отражает окружающую действительность: у слов с прямым значением связи и отношения с другими словами определяются не столько внутриязыковыми, сколько предметно-логическими закономерностями: круг употребления слов с номинативным значением соответствует отношениям предметов и явлений, существующих в реальной действительности. Именно этим обстоятельством объясняется то, что в разных языках словосочетания слов со словами с прямым значением в большинстве случаев дословно совпадают, например, в русском и бурятском языках: чистая вода – *сэбэр уһан*, грязная вода – *муухай уһан*, родниковая вода – *булагай уһан*, морская вода – *далайн уһан*, горячая вода – *халуун уһан*, холодная вода – *хүйтэн уһан*; принести воды – *уһа асарха*, лить воду – *уһа адхаха*, снабжать водой – *уһаар хангаха*; смешать с водой – *уһантай хольхо* и т.д.

Когда же слово обретает переносное значение, такой свободы в сочетаемости слов и совпадения словосочетаний в разных языках не наблюдается. Например, в русско-бурятском словаре слово *дүлии* «глухой» лишь в прямом значении слова употребляется в этом виде: глухой (лишенный способности слышать) – *дүлии*; *дүлии хүн* сост. суц.: глухой старик – *дүлии үбгэн*; 2. перен. Неотзывчивый, безразличный – *хүнэй тала харадаггүй* (или *хайхардаггүй*): глух к просьбам – *хүнэй гүйлта хайхардаггүй*; 3. Невнятный по звуку, незвонкий – *бүдэхи*, *хүлэмхи*: глухой выстрел – *хүлэмхээр буу хүрэлгэ*; глухой согласный – *бүдэхи хашалган* (в ТСРЯ под ред. акад. Шведовой дается как фразеологизм); 4. Смутный, затаенный, скрытый – *далда*, *бүтүү далда*, *саагуурхи*; *һэмээхэн*: глухое недовольство – *бүтүү далда дурагүйдэлгэ*; 5. Тихий, без проявления жизни – *бүтүү бүглүү*: глухая улица – *бүтүү бүглүү гудамжа*; 6. Сплошной, без просвета – *үүдэ сонхоггүй*: глухая стена – *үүдэ сонхоггүй хана*. Все же в некоторых переводах проявляется тенденция, особенно в паре с другими словами, использовать слово *дүлии*: быть глухим, безучастным – *дүлии балай байха*, *шэхэ дүлии байха*; глухое (спокойное) безмолвие тайги – *хубишэ тайгын номгон дүлии байдал* [Там же, с. 182].

Во всех значениях полисемичного слова можно выделить некое общее содержание. Это инвариантное значение, как наиболее абстрактное и потому наиболее бедное семантическими признаками, семантически простое, присутствует во всех значениях рассматриваемого слова. Например, инвариант вода – «жидкость, представляющая собой химическое соединение водорода и кислорода», присутствует во всех значениях словарной статьи.

Этот инвариант в чистом виде воплощен в первом значении слова. Оно в наименьшей степени зависит от контекста и наиболее бедно по семантическим признакам. Проявляя как бы «безразличие» к контексту, к окружению, это основное значение слова обладает самой широкой сферой сочетаемости.

Инвариантное значение, присутствуя во всех значениях многозначного слова, объединяет эти значения в единое целое, отражая его системный характер.

В словаре такое значение дается первым в слове. Оно, по терминологии Е. Куриловича, является реализацией первичной семантической функции слова [2]. В этом смысле, как пишет Л. А. Новиков, «главное значение может быть названо также *первичным*. *Вторичные* (или частные) значения слова в большей степени обусловлены своим окружением: в них к семантическому содержанию главного значения как бы присоединяются еще элементы контекста». Поэтому вторичное значение богаче по своему содержанию, чем главное значение, а само слово, употребляясь в таких значениях, «имеет в соответствии с этим ограниченную, избирательную сочетаемость» [4, с. 198].

Термины «первичная семантическая функция» и «вторичная семантическая функция» были введены Е. Куриловичем [2]. Являясь реализацией вторичной семантической функции слова, вторичные (или частные) значения в словаре даются после главного. Слова со вторичными значениями сочетаются с вполне определенным, ограниченным кругом слов, т.е. строго закреплены синтагматически.

Одним из объединяющих разные значения слова в одно целое является внутренняя форма слова (ВФС). Традиционно под ВФС понимали не обязательно существенный, но «бросающийся в глаза признак», который делали представителем предмета, чтобы представить его в целостности. При этом в разных языках один и тот же предмет может быть назван на основе выделения разных признаков, например рус. портной (от порты – 'одежда'), нем. *Schneider* (от *schneiden* – 'резать'); болг. шивач (от шия – 'шить') [3, с. 85-86].

Для названия птицы «дятел» русские выбрали характерное для нее действие – *долбить*; производн. с суф. *тель* от гл. основы **dylb*. (рус. *долбить*), т.е. *долбящий* [6, с. 223].

Казахи и киргизы, а также монголы и буряты назвали эту птицу по производимому ею стуку: *токилдак*, *тонкулдак*; *тонио(х)*, *тонио(хо)* – букв. *издавать звук «тон»*; стучать’.

Уйгуры дали название этой птице, отличающейся сильным клювом, по орудию удара: *темур тумишук* *железный клюв*’.

Как видно, все эти названия являются вторичным, т.е. созданными на базе существующих уже слов. Так, предки монголоязычных народов обратились к глаголу *тониохо* *стучать*’, который в свою очередь восходит к звукоподражанию *тон* (*тон-тон гэхэ* – издавать звук тук-тук при ударах чем-либо о дерево). В сознании монголов образ дятла связывался с характерным для его действия звуком, то есть здесь имела место ассоциация, сочетание представлений. В лексике бурятского языка обнаруживаются многие гнезда, в которых видны следы ассоциирующей работы мысли. В этом языке имеется большое количество слов, появившихся на основе ассоциативной связи между звукоподражанием и внешним образом предмета, издающего этот звук; между осязательным, зрительным и звуковым образами предметов. Так, например, в корне *ар*, подражающем рычанию собаки, развивается образное значение: при рычании животного человек одновременно наблюдает оскаленные зубы, клыки. Ср., например, *ар-ур гэхэ*, *ард гэхэ* *рычать*’, *аржаганаха* *рычать* – о собаке, злиться’, *архирха* *рычать*’ и образные слова этого же корня – *арзайха* *быть оскаленным*’, *арзагар* *оскаленный*’, *аржайха* *быть шершавым, корявым, неровным*’, *арбагар* *растопыренный, лохматый*’.

Как показано в недавно опубликованной работе Е. В. Сундуевой «Звуки и образы. Фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках» в результате спроецирования сетки признаков корней образподражательных слов с «прозрачной» семантикой на признаки древней базовой лексики монгольских языков, включающей обозначения природных явлений, элементов флоры и фауны, номенклатуру частей тела, числительных 1-го десятка, глаголов, передающих элементарные действия, удалось выяснить ВФС составляющих этой лексики. Как сказано, например, звук рычания диких животных в процессе становления и развития языка породил немало слов, отражающих очень широкий спектр конкретных понятий [7, с. 148].

Названия, в которых отчетливо ощущается образ, признак, положенный в основу их, можно найти не только среди слов, имеющих звукоподражательно-образное происхождение. Многие сложносоставные названия цветов и некоторых других предметов в бурятском языке образованы на основе ассоциации по сходству, по смежности, например: *хурьган шэхэн* *щавель*’ (букв. *ягненок-ухо*); *шонын хульбөөдэһэн* *крапивница*’ (букв. *то, что выросло на месте, где катался, ворочался волк*); *хун үбһэн* *женьшень*’ (букв. *человек-трава*); *нохойн хоншоор* *шиповник*’ (букв. *собачья морда*); *үхэр нюдэн* *смородина*’ (букв. *корова-глаза*).

В словах, образованных аффиксальным способом, часто ВФС ощущается ясно. Напр., для обозначения такого понятия, как *веник*’, в бурятских диалектах в качестве первоначального признака берется какое-либо действие, которое осуществляется посредством этого предмета: *шүүр* (ср. *шүүхэ* *цедить, процеживать*’), *хамуур* (ср. *хамаха* – *мести, подметать*’), *эльбүүр* (ср. *эльбэхэ* – *гладить*’), *шэрбүүр* (ср. *шэрбэхэ* – *подхлестывать, хлестать*) [1].

Благодаря тому, что в бурятском языке во многих словах весьма отчетливо ощущается внутренняя форма слов, бурятский язык представляется весьма конкретным языком. Кроме таких, можно сказать исконно конкретных слов, как говорилось выше, имеется большое количество слов с переносным значением, возникшим на основе конкретных прямых значений. Прямое значение, а также вторичные значения, мотивирующие появление последующего значения, квалифицируются как внутренняя форма слова.

Таким образом, развитие многозначности слова – это длительный исторический процесс. В результате развития языка образуются новые значения. Слово – в переносном значении, как и в прямом, выполняет номинативную функцию.

Список литературы

1. **Буряад-ород толи. Бурятско-русский словарь:** в 2-х т. Улан-Удэ: Республиканская типография, 2008. Т. II. О-Я / сост. Л. Д. Шагдаров, К. М. Черемисов. 708 с.
2. **Курилович Е.** Очерки по лингвистике: сб. ст. М.: Иностранная литература, 1962. 490 с.
3. **Лингвистический энциклопедический словарь.** М.: Советская энциклопедия, 1990. 685 с.
4. **Новиков Л. А.** Семантика русского языка: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1999. 272 с.
5. **Русско-бурятский словарь** / сост. Л. Д. Шагдаров, Н. А. Очиров. Улан-Удэ: Буряад үнэн, 2008. 904 с.
6. **Словарь русского языка:** в 4-х т. / АН СССР; Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. Изд-е 3-е, испр. и доп. М.: Русский язык, 1985-1988. Т. 3. П-Р. 752 с.
7. **Сундуева Е. В.** Звуки и образы: фоносемантическое исследование лексем с корневыми согласными [r/m] в монгольских языках. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. 344 с.
8. **Шведова Н. Ю., Куркина Л. В., Крысин Л. П.** Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов: 82 000 слов и фразеологических выражений / отв. ред. Н. Ю. Шведова; РАН; Отд-ние ист.-филол. наук; Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова. М.: Азбуковник, 2007. 1075 с.
9. **Шмелев Д. Н.** Современный русский язык: лексика: учеб. пособие. Изд-е 2-е, стер. М.: УРСС, 2003. 336 с.
10. **Macmillan English Dictionary** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.macmillandictionary.com/dictionary/british/go> (дата обращения: 15.06.2013).
11. **汉俄词典** / 上海外语学院. 北京: 商务印书馆, 2000. 1250页. (**Китайско-русский словарь** / Шанхайский институт иностранных языков. Пекин: Коммерческое издание, 2000. 1250 с.)

WORDS POLYSEMY BY THE EXAMPLE OF THE RUSSIAN AND BURYAT LANGUAGES

Shagdarova Ayuna Bairova

Buryat State University

aina_@mail.ru

The article reveals the content of the notion “words polysemy”. Word polysemy, according to author’s opinion, is determined by the need to denote new phenomena that occur in the human reality by means of existing language means. The semantic structure of the word is a hierarchy of meanings, a certain system of subordination. In different languages the combinations of words with the words with direct meaning in most cases literally coincide, and with indirect one – do not coincide. The author pays special attention to the analysis of lexical-semantic variants in the Buryat and Russian languages.

Key words and phrases: polysemy; the Buryat language; lexical-semantic variant; inner form of word; primary and secondary meanings.

УДК 8337

Филологические науки

В статье показаны различные возможности репрезентации субъекта ситуации познания запаха. Анализ материала строится на рассмотрении языковых фрагментов, в которых субъект представлен как активный деятель (агентивные структуры) либо как пассивный наблюдатель (экспериментивные структуры). Исследование такого рода способствует выявлению специфики осознания роли субъекта в ситуации познания запаха, которая часто сводится к его присутствию, фиксации его перемещения, количественной определённости и т.д.

Ключевые слова и фразы: агентивные языковые структуры; экспериментивные языковые структуры; наблюдатель; ситуация познания запаха; обонятельный перцептивный канал; субъект познания.

Шнякина Наталья Юрьевна, к. филол. н.

Омский государственный педагогический университет

zeral@list.ru

**АГЕНТИВНОСТЬ И ЭКСПЕРИМЕНТИВНОСТЬ В ЯЗЫКОВЫХ СТРУКТУРАХ
(НА ПРИМЕРЕ ВЕРБАЛИЗАЦИИ СИТУАЦИИ ПОЗНАНИЯ ЗАПАХА)[©]**

Изучение мотивированности языковых форм познавательными процессами человека является одним из приоритетных направлений когнитивной лингвистики, описывающей язык как продукт интеллектуальной активности в совокупности знаний, полученных в смежных областях. Моделирование познавательных процессов через языковые формы может строиться на выявлении в структуре высказывания значимых для человека категорий, обобщающих его когнитивный опыт. Исследования такого рода проводились Н. Н. Болдыревым, А. В. Бондарко, А. И. Варшавской, Е. С. Кубряковой, М. К. Шокуевой и т.д. [2, с. 10; 3, с. 279; 4, с. 41; 7, с. 442; 9, с. 206]. Авторами было показано, что различные аспекты ситуации (субъект, объект, цель, источник, действие, место и т.д.) выступают своеобразными «смысловыми координатами» [4, с. 41], с помощью которых можно моделировать ситуацию познания.

В настоящей статье предпринимается попытка изучения языкового выражения ситуации познания человеком запаха, в частности, закономерностей экспликации субъекта восприятия. С одной стороны, субъект может быть представлен в языке как активный деятель, совершающий действие, направленное на восприятие и осознание запахов объектов окружающей действительности. Структуры такого типа являются «агентивными» или «активно-отражательными» [5, с. 20]. С другой стороны, часто в высказывании субъект восприятия не выражен. И дело не только в синтаксических трансформациях, в результате которых номинация объекта познания может занимать активную позицию, а номинация субъекта – пассивную. Приписываемая субъекту пассивность, зафиксированная в языковых конструкциях, выполняет коммуникативную функцию, связанную, с членением высказывания на пространство субъекта познания и пространство наблюдателя. В последнем случае, как пишет Н. Н. Болдырев, «тот же субъект выступает лишь в роли наблюдателя» [1, с. 213], а в структуру высказывания входит «дополнительный элемент – экспериментер, под которым подразумевается сам говорящий» [Там же, с. 214]. Причиной «псевдо-пассивности» субъекта является необходимость акцентирования внимания на объекте познания, в то время как субъект остаётся «в тени». Структуры такого типа являются «экспериментивными» или «пассивно-отражательными» [5, с. 20], а субъект познания – «синтаксически невыразимым» [8, с. 230].

Восприятие запаха как активное действие субъекта, направленное на познаваемый объект, выражается глаголами, обозначающими процесс его поступления в дыхательные пути человека или животного (einatmen, inhalieren, einsaugen, einziehen):